

Все-таки дважды два не обязательно четыре. Правильнее и, я бы сказал, моральнее другая формула:

$$2 \times 2 = 1 + 1 + 1 + 1.$$

Но основание для восприятия нашей самой знаменитой четверки (не путать с хоккейными тройками) как неразрывного единства дал именно один из нее — Вознесенский, написавший в своих ранних стихах: «Нас много, нас, может быть, четверо...» Имелись в виду Ахмадулина, Евтушенко, Окуджава и сам автор.

Но как разошлись их дороги! И вот уже в новом стихотворении, впервые прочитанном недавно в Зале Чайковского, Вознесенский говорит:

**Траурной рамкой
время очерчено.
Белла, мы вновь
в этом зале с тобою.
Я написал, что нас,
может быть, четверо.
Классик хохмит, что нас,
может быть, двое...**

Но не соглашусь и с этим объединением, настаивая на уникальности самого Андрея Вознесенского в нашей литературе...

Читатели поэзии моего и предшествующего поколений, думаю, в подавляющем большинстве переболели его стихами. Их внешняя яркость, сквозная метафоричность и лихая современность словоупот-

А сейчас вышла новая книга Андрея Андреича. Причем действительно целиком новая: в ней стихи только двух последних лет. Это для любого не очень молодого поэта — риск. Тот же Вознесенский на своих вечерах не позволяет себе обходиться без старых, обкатанных на эстраде вещей. Так было и нынче в Зале Чайковского, на вечере-презентации этой книги. Не известные залу и, кажется, самому автору стихи (он читал неуверенно, часто сбивался, чувствовалось, что ему мешают не до конца забытые варианты строк) Андрей Андреич с облегчением переждал «Мастерами» или «Васильками Шагала». И даже рефлексировал перед чтением нового: «А сейчас послушайте, как я деградировал...» Но все-таки Вознесенский кокетничал. Он прекрасно понимает, что никуда у него не деться «хищный глазомер простого маляра» и соответственно его метафоры по-прежнему зрими и парадоксально точны (в приватном разговоре он может спросить: «Правда, похоже?»). Знает он и о том, что энергоемкость его строк несколько не снизилась. И тут дело не в напористой, «эстрадной» манере чтения.

Здесь сделаю отступление. Почти десять лет назад Вознесенский и Ахмадулина справедливо решили, что нашему поко-

Фото Сергея БЕРМЕНЬЕВА. 1997 г.

Андрей ВОЗНЕСЕНСКИЙ

В Зале Чайковского

В Зале Чайковского лгать не удастся. Синие кресла стоят полукругом с белой полоской, как аидасы. Здесь тренируется сборная духа.

Нам показали по телеку Гейтса — между прокладками мочегонными... Штучная русская интеллигенция жемчугом светится в чаше Чайковского.

Пусть хоть культуре живется отлично — пятой колонной на 5-м канале. Лишь бы Культуру не съели опричники — люди с попсиными головами.

Траурной рамкой время очерчено. Белла, мы вновь в этом зале с тобою. Я написал, что нас, может быть, четверо. Классик хохмит, что нас, может быть, двое.

Деноминация ждет нашу нацию. Срежем нули, как Ван Гогу ухо. Майкой вздохнет рекордсменка духа — интеллигенция лет восемнадцати.

Гарри, сфугуйте для современья! Годы прошли без духовного голоса... — Десять прошло, как срубили Меня, и пятьдесят, как убили Михоэлса.

Зал этот строился для Мейерхольда, сборная духа пошла под дуло. Нынче борьба за этап переходный, не проиграй ее, сборная духа...

ТЕОРЕМА Андрея Вознесенского, переходящая в АКСИОМУ

ребления покорили молодежь шестидесятых и семидесятых. Вознесенский прочно занял место в ее иконостасе — где-то между Хемингуэем, Пикассо и джазом. А можно выстроить и другой ряд, например, по Межирову: «Познакомлю я тебя с Феллини, Вознесенским, Сартром и Пеле...» В любом случае он-то был единственный свой из этого ряда, «наш», как космический корабль «Восток», что немало способствовало национальной гордости великороссов-западников.

Когда Синявский сказал про свои чисто стилистические разногласия с советской властью, он как будто определил судьбу Вознесенского... Сейчас некоторые рьяные правые радикалы (как все-таки в любой общественной ситуации удобно быть правым!) обвиняют Вознесенского, чуть ли не в большевизме за поэму «Лонжюмо». А в семидесятые ее полуриторические вопросы:

**Скажите, в суете
мы суть не проглядели? —**

или
**«Почему вы во сне кричите,
Серго?»**

— звучали дерзким напоминанием о заасфальтированной оттепели...

Однажды ваш покорный слуга, еще будучи десятиклассником, дал послушать пластинку Вознесенского, читающего «Лонжюмо», комсомолу класса. Возвращая ее, юный ленинец изрек, что это хоть и не самиздат, но настоящая крамола и его отец, преподаватель истории КПСФ в университете, возмущен распространением такой антисоветчины фирмой «Мелодия»...

А еще раньше, как известно, Хрущев кричал на Вознесенского в Кремле (сказались стилистические разногласия?), но больше всего этого крика, говорят, испугался другой известный, хотя в то время вполне молодой поэт, что и определило всю его дальнейшую судьбу... Его, а не Вознесенского.

Но что было, то было. А что же сейчас?

лению повезло куда меньше них. И захотели эту несправедливость частично восполнить: вывезти достойных, по их мнению, представителей *восьмидесятников* в «загранку», а именно в Данию, заинтересовавшую подспудной литературой России. Андрей Андреич возглавил делегацию и благородно представлял не только своих товарищей Ахмадулину и Битова, а также впервые попавшего за границу Юлия Кима, но и нас, тогда еще молодых. А между тем это был, ни больше ни меньше, Всемирный фестиваль искусств, на котором за каждый отдельный вид искусства отвечала какая-то одна страна. Литературу на этот раз представляла Россия, то есть мы! Но на главных тусовках отдуваться приходилось одному Вознесенскому. В частности, на открытии фестиваля в замечательном городе Орхусе (датской культурной столице) в присутствии королевы.

...Помню, на меня произвел грандиозное впечатление ансамбль песни и пляски с тамтамами из Бурунди. О, этот необузданный экваториальный темперамент в северной стране! Каково же было мое огорчение, когда сразу после потрясшего (в буквальном смысле слова) зал выступления африканцев конференсье во фраке объявил Россию, то есть в данном случае Вознесенского! Мне тут же, заранее, стало «за державу обидно» — после бурундийских плясок, по-моему, нельзя было не провалиться.

И вот вышел Вознесенский и объявил, что будет читать «Гойю» (на нервной почве в моем мозгу закрутилась некрасовская эпиграмма: «Нет, ты не Гойя, ты — другой»). Начал он негромко.

А потом... Ну, про что-то подобное написал Тургенев в рассказе «Певцы», и нет у меня, увы, его дара и слога! Короче, бурундийцев со всеми их тамтамами Андрей Андреич сделал, как детей. И за державу обидно не было. Наоборот, перед датской королевой предстала загадка русской души, хоть и скрывающейся под такой же, как у нее, белой кожей, а смотри ж ты...

Так вот сейчас в Зале Чайковского никаких высот и низов голосом Вознесенский не достигал. Он бормотал стихи, почти как (пишут) Велимир Хлебников. Но при этом демонстрировал то, до чего даже Председатель земного шара не додумался: доказал теорему «От перестановки слогов, в отличие от слагаемых, произведение меняется». Для этого надо только несколько раз повторить слово. Поясню: камыш-камышкамышкамышкамышка. Я выделил слова, которые при по-

вторении естественно переходят одно в другое. Из камыша выкакивает мышь. То есть перед нами какие-то шаманские дела. То самое, из чего поэзия вышла и, может быть, напрасно слишком далеко отошла...

И это шаманство есть в новой книге Вознесенского «Casino «Россия» (издательство «Терра»), а еще — почти традиционная «тихая» лирика, которой не мешает проявившееся задолго до клипов клиповое мышление Вознесенского.

Что же касается его авторского вечера у нас в газете, мы скромнее Зала Чайковского и не будем предвирать выход поэта классической органной музыкой в исполнении Гарри Гродберга. Мы просто сразу дадим слово автору и послушаем новые, еще не до конца освоенные им самим стихи.

● Олег ХЛЕБНИКОВ

● **P.S.** Позапрошлым летом Андрей Андреич с восторгом рассказал мне, что неожиданно для себя и своего возраста открыл нечто совершенно новое в жизни: возможность летать, а также прыгать с парашютом. И, представьте, уже больше года летает и прыгает! До одного стихотворения об этом уже допрыгался.

Русская playmate

Жрите, русские пельмени, соплеменников! Но по сердцу страшно, если рашпилем. Пой мне, Маша, первая плеймейт, made in Russia!

Над страной, бронезилетной и ножовой, как одежду и надежду, сбросив тело, плачет голос, абсолютно обнаженный, — голый голос, чистый голос, голос белый!

Здравствуй, пламя молодое, незнакомое! «Абсолюта» дети, телки и плейбой. Я такой не видел обнаженной русской боли!

Боль за наши годы беззакония и за ноту абсолютной боли, что ли... Законное, слезою сагогонною плачет небо. Плачет ангел. Плачет поле.

Ты живешь безоблачной небес. Одеваешься от Кензо. Бесишь скептиков. Но душа предпочитает без контрацептивов.